

М. Качурин, М. Шнеерсон

Любовь Онегина

Испытания в дружбе Онегин не выдержал. А в любви?

Из I главы романа видно, что в юности Онегин еще не любил — он только забавлялся искусной игрой. Но может быть, его любили? Трудно сказать. Почти наверняка, любовь Татьяны, при всей ее романтичности, — это первая истинная любовь, которая встретила Онегина в жизни. Понял ли это Онегин? На этот вопрос нельзя ответить ни «да», ни «нет».

Но, получив посланье Тани,
Онегин живо тронут был:
Язык девических мечтаний
В нем думы роем возмучил;
И вспомнил он Татьяны милой
И бледный цвет и вид унылый;
И в сладостный, безгрешный сон
Душою погрузился он.
Быть может, чувствий пыл старинный
Им на минуту овладел;
Но обмануть он не хотел
Доверчивость души невинной.

Из этих строк ясно, что многое Онегин понял. Ведь он с первого взгляда заметил, что Татьяна — недюжинный человек, почувствовал к ней интерес и несомненную симпатию. Но Евгений был слишком опустошен, слишком ленив духовно, слишком слеп, при всей своей проницательности, чтобы понять, что такая драгоценность, как любовь Татьяны, не будет попадаться на дороге ежедневно. И, что особенно важно, растеряв в юности свежесть первого чувства, он еще не выстрадал права на настоящую любовь. Недаром автор в I главе не употребляет слова «любовь», а заменяет его фразой «чувствий пыл старинный».

Необычайно отчетливо облик Онегина раскрывается в сцене объяснения с Татьяной (IV гл.). Сам Онегин называет этот монолог «исповедью», автор — «проповедью» («так проповедовал Евгений»). Татьяна восприняла эту «исповедь» как «урок»; более того, в своем последнем монологе она вспоминает «колкость... брани» Онегина. Очевидно, справедливы в равной мере все эти оценки. Исповедью монолог Онегина является потому, что герой романа честно, искренне раскрывает в нем свою душу — охлажденную, опустошенную, очерствевшую «в мертвящем упоенье света». Но вместе с тем это и проповедь, ибо Онегин становится в позу ментора и читает мораль влюбленной в него девушке. А выражение Татьяны «колкость вашей брани» скорее всего связано с воспоминанием о последних назидательных словах Евгения:

Полюбите вы снова: но...
Учитесь властвовать собою;
Не всякий вас, как я, поймет;
К беде неопытность ведет.

Сам Онегин ощущал, насколько обидны для бедной Тани эти слова, поэтому прежде чем их произнести, он обращался к ней:

Послушайте ж меня без гнева...

Говоря Татьяне: «Полюбите вы снова», — Онегин основывается на своем личном опыте. Он не встречал еще женщины, которая могла на всю жизнь полюбить одного человека.

Предположение Онегина, что Татьяна способна еще к кому-то обратиться с таким же пылким, доверчивым признанием, без сомнения, обидно и оскорбительно для нее.

Сам Онегин не умел глубоко любить и никогда не испытывал страданий, связанных с чувством любви («откажут — мигом утешался, изменят — рад был отдохнуть»), поэтому не представлял себе, как сильно можно страдать от неразделенной любви. Вот почему монолог Онегина отличался блеском, изяществом, красноречием. Эти черты изысканной, свободно льющейся речи показывают высокий ум и благородство, но усиливают впечатление холода и безразличия.

Любопытно, что сразу же вслед за изображением свидания Татьяны с Онегиным Пушкин начинает говорить о дружбе, родстве, верности и неожиданно заключает:

Кого ж любить? Кому же верить?
 Кто не изменит нам один?
 Кто все дела, все речи мерит
 Услужливо на наш аршин?
 Кто клеветы про нас не сеет?
 Кто нас заботливо лелеет?
 Кому порок наш не беда?
 Кто не наскучит никогда?
 Призрака суетный искатель,
 Трудов напрасно не губя,
 Любите самого себя,
 Достопочтенный мой читатель!
 Предмет достойный: ничего
 Любезней, верно, нет его.

Разумеется, это не убеждение поэта, а тонкая насмешка над эгоизмом, пустившим такие глубокие корни в людях типа Онегина. Онегин не смог выйти из эгоистического мира своего разочарования, своей скуки и откликнуться на живой, искренний призыв Татьяны. Любовь настоящая, первая и, очевидно, единственная, явилась позже, когда Онегин прошел тяжкие испытания: трагическая гибель Ленского, горестные странствия по Руси многому его научили. Сложная эволюция героя раскрывается в VIII главе.

После трагической гибели Ленского мы надолго расстаемся с Онегиным.

Новое появление Онегина на страницах романа сопровождается спором, в котором выявляется авторская точка зрения в отношении к Онегину его светских недругов. Автору важно высказать свое суждение о герое, изменившемся, ставшем ближе и дороже ему.

Но это кто в толпе избранной
 Стоит безмолвный и туманный?
 Для всех он кажется чужим.
 Мелькают лица перед ним,
 Как ряд докучных привидений.
 Что, сплин иль страждущая спесь
 В его лице? Зачем он здесь?
 Кто он таков? ужель Евгений?
 Ужели он?..

Эта цепь вопросов — свидетельство того, как изменился Евгений и как он трагически одинок. В самом тоне нельзя не почувствовать окрашенного горечью, печалью сочувствия к Евгению.

Так, точно он, —

Говорит с волнением поэт.

Но тут же раздается совсем другой голос — кого-то из светской толпы:

Давно ли к нам он занесен?
 Все тот же ль он иль усмирился?
 Иль корчит так же чудака?
 Скажите, чем он возвратился?

Что нам представит он пока?
 Чем нынче явится? Мельмотом,
 Космополитом, патриотом,
 Гарольдом, квакером, ханжой,
 Иль маской щегольнет иной,
 Иль просто будет добрый малый,
 Как вы да я, как целый свет?

Слова «занесен», «усмирился», «корчит», «щегольнет» выражают злобную насмешку и недоброжелательность. И Пушкин дает беспощадную, уничтожающую отповедь пошляку — «доброму малому», горячо защищает Онегина от нападков «самолюбивой ничтожности». И далее поэт ясно дает понять, что это удел целого поколения:

Но грустно думать, что напрасно
 Была нам молодость дана,
 Что изменяли ей всечасно,
 Что обманула нас она;
 Что наши лучшие желанья,
 Что наши свежие мечтанья
 Истлели быстрой чередой,
 Как листья осенью гнилой.

Таким образом, было бы справедливо в VIII главе увидеть в Онегине человека, если не созревшего, то созревающего для деятельности более высокой, чем возня с самим собой и своей тоской. Его ускорила новая встреча с Татьяной. Пушкин передает глубокое волнение Онегина, вглядывающегося в незнакомую даму, так непохожую на всех остальных:

«Ужели», — думает Евгений, —
 Ужель она? Но точно... Нет...
 Как! из глуши степных селений...»

Показывая, как постепенно зарождается увлечение Онегина этой новой Татьяной, Пушкин подчеркивает: Евгения поражает и восхищает именно то новое, что появилось в ней:

Хоть он глядел нельзя прилежней,
 Но и следов Татьяны прежней
 Не мог Онегин обрести
 С ней речь хотел он завести
 И — и не мог.

Спазм перехватил горло Онегина. Куда девалась его светскость, его неизменное красноречие! И автор спрашивает:

Что с ним? в каком он странном сне!
 Что шевельнулось в глубине
 Души холодной и ленивой?
 Досада? суетность? иль вновь
 Забота юности — любовь?

Несомненно, чувство, овладевшее Онегиным, — искреннее и сильное. Пушкиным впервые употреблено слова «любовь» применительно к Онегину. В этой внезапно вспыхнувшей любви нет ни игры, ни расчета, ни притворства.

И все же новое чувство Онегина к Татьяне при всей его силе, напряженности — это еще не та большая, подлинная любовь, которая очищает и облагораживает человека. Онегин увлечен:

Не этой девочкой несмелой,
 Влюбленной, бедной и простой,
 Но равнодушною княгиней,

Но неприступною богиней
Роскошной, царственной Невы.

Всем сердцем симпатизируя своему герою, показывая его искренние сердечные муки, Пушкин, однако, показывает нам и эгоизм, и тщеславие Онегина.

Как изменилася Татьяна!
Как твердо в роль свою вошла!
Как утеснительного сана
Приемы скоро приняла!
Кто б смел искать девчонки нежной
В сей величавой, в сей небрежной
Законодательнице зал?
И он ей сердце волновал!

Не простота, безыскусственность, не ум и сердце Татьяны поражают его, а умение играть роль. Его мучит мысль о том, что он не увидел когда-то в простой девочке возможности превращения ее в блестящую аристократку. И он не понимает, насколько слеп и сейчас, не видя в «равнодушной княгине» все еще «влюбленной, бедной и простой» Татьяны.

О многом говорит и самая форма ухаживания Онегина за Татьяной:

К ее крыльцу, стеклянным сеньям
Он подъезжает каждый день;
За ней он гонится как тень;
Он счастлив, если ей накинёт
Боа пушистый на плечо,
Или коснется горячо
Ее руки, или раздвинет
Пред нею пестрый полк ливрей,
Или платок подымет ей.

Сложно, противоречиво, многогранно новое чувство Онегина: в этом чувстве, как и в личности героя, сплелось и дурное и хорошее, и подлинно человеческое и наносное, привычное, недостойное человека.

Эта двойственность находит отражение и в письме Онегина.

Письмо Онегина с поразительной ясностью раскрывает диалектику его больной, страдающей души. С чего он начинает? С оскорбительных подозрений и ложных оправданий. Ведь надо и теперь еще остаться слепым, чтобы писать Татьяне:

Какому злобному веселью,
Быть может, повод подаю...

Далее Онегин и вовсе пишет неправду:

Случайно вас когда-то встретья,
В вас искру нежности заметя,
Я ей поверить не посмел...

Вовсе не сомнение в глубине и силе чувства бедной девочки побудило его остаться в позе благородного проповедника.

Еще одно нас разлучило...
Несчастной жертвой Ленский пал...
Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвал, —

печалится Онегин, забывая, что скучал в деревне, что никто по-настоящему не привлекал его, что даже ссору с Ленским затеял он от скуки, сердясь на «трепетный порыв» Татьяны и досадуя на Ленского, который уговорил его поехать к Лариным.

Начало письма напоминает «холодную» проповедь Онегина, где чувства скрываются под красивыми фразами. Так, вместо «любовь» Онегин говорит «искра нежности», вместо «был убит» — «несчастной жертвой Ленский пал».

Однако далее в письме нарастает живая правда нестерпимого сердечного страдания, без всякой фальши:

Я знаю: век уж мой измерен;
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я...

Евгений перестал подбирать слова для выражения своих чувств; он говорит просто, сильно. С уст Онегина срывается и просторечие, грубоватое, но точно передающее то, что он хотел выразить:

...для вас
Ташусь повсюду наудачу...

Горечь, усталость, унижение выражены в одном этом слове «ташусь». Многозначительна и концовка письма. Она переключается с письмом Татьяны, словно Онегин хочет ей напомнить прошлое, пробудить прежние чувства и вместе с тем показать, что он чувствует теперь то же, что раньше чувствовала она:

Но так и быть: я сам себе
Противиться не в силах боле;
Все решено: я в вашей воле
И предаюсь моей судьбе.

Вполне понятен гнев Татьяны, вызванный этим письмом:

Ответа нет. В одно собранье
Он едет; лишь вошел... ему
Она навстречу. Как сурова!
Его не видят, с ним ни слова
У! Как теперь окружена
Крещенским холодом она!

Неискренние, жалкие оправдания Онегина глубоко уязвили Татьяну. Она теперь гораздо яснее понимает Онегина; с ее мечтаний спал романтический налет. Евгений более не окружен для нее ореолом блестящей таинственности; но она любит его, любит и то лучшее, что видит в нем, и свою весну, и юные мечты о счастье... Как же горько ей видеть светские ухаживания Онегина! И даже искренняя страсть его, сказавшаяся в письме, обидна. Чего он хочет от нее? Что ей предлагает? Грязь светской связи, ложь, пошлые увертки перед обманутым мужем?..

Только теперь Онегин начинает понимать, что он не знал Татьяны и недостоин ее. Опыт прежних лет не помог ему: с такой женщиной он встретился впервые.

Теперь наступает новый этап его духовного развития. «От света вновь отрекся он», вновь стал читать, размышлять над жизнью, над своей судьбой. Тяжкая зима, проведенная в одиночестве, в тоске, в раздумьях — завершение духовного перелома Онегина.

Перед мысленным взором Евгения — самое тяжкое, мучительное из всех его воспоминаний — страшный крах его дружбы:

То видит он: на талом снеге,
Как будто спящий на ночлеге,
Недвижим юноша лежит.
И слышит голос: что ж? убит!

Голос Зарецкого навсегда врезался в память Онегина. Чувство вины и глубокого раскаяния, образ погибшего друга вызывает воспоминание и о косвенных виновниках его смерти:

То видит он врагов забвенных,
Клеветников и трусов злых...

Это воспоминание о светской черни, о Зарецких, в угоду которым был убит Ленский. В его памяти мелькают и светские лжедрузья — «круг товарищей презренных», и «предметы» его лживой, пустой юношеской игры в любовь — «рой изменниц молодых». Круг воспоминаний завершает единственно дорогое, что еще осталось в жизни, — Татьяна:

То сельский дом — и у окна
Сидит она... и все она!..

Но это уже не «княгиня», не «законодательница зал». Это прежняя Таня. Так наступило прозрение. Рассказ об отречении Онегина от света Пушкин завершает строфами шутивными, дружески-ироничными:

Он так привык теряться в этом,
Что чуть с ума не своротил
Или не сделался поэтом.
Признаться, то-то б одолжил!

Говоря об Онегине простыми, грубоватыми словами, часто употребляя просторечие, поэт сдержанно передает свою радость в связи с его возрождением и глубокое сочувствие его горю.

Очищенный страданием, Онегин стал человечней, душевнее, проще и смог наконец понять и полюбить Татьяну со всей чистотой, силой и нежностью, на которые только способен человек. Ощущение обновления, пробуждения к новой жизни создается с помощью весеннего пейзажа:

Весна живит его: впервые
Свои покои запертые,
Где зимовал он, как сурок,
Двойные окна, камелек
Он ясным утром оставляет,
Несется вдоль Невы в санях.
На синих, иссеченных льдах
Играет солнце; грязно тает
На улицах разрытый снег.

Но следы пережитых страданий запечатлелись на его лице: «Идет, на мертвеца похожий». И вот, наконец, то новое понимание Татьяны, которое родилось в душе Онегина в эту долгую зиму:

О, кто б немых ее страданий
В сей быстрый миг не прочитал!
Кто прежней Тани, бедной Тани
Теперь в княгине б не узнал!
В тоске безумных сожалений
К ее ногам упал Евгений;
Она вздрогнула и молчит,
И на Онегина глядит
Без удивления, без гнева...
Его больной, угасший взор,
Молящий вид, немой укор,
Ей внятно все. Простая дева,
С мечтами, с сердцем прежних дней,
Теперь опять воскресла в ней.

В тоне Пушкина нежность и глубокое сострадание к Онегину и Татьяне. Им нет счастья. Трагизм этой сцены усиливается еще и тем, что Онегин теперь поднялся до истинной любви, стал ровень с Татьяной, но должен молча выслушать ее горькие,

оскорбительные слова, понимая, что они исторгнуты душевной болью, непереносимым горем.

Потрясенный Евгений «как будто громом поражен».

Рисуя возникновение любви Онегина, Пушкин говорил о «буре осени холодной». Но теперь «буря ощущений», в которую Онегин «сердцем погружен», — это все-таки благодатная буря, буря обновления.